Моск. правда. - 1988. - 24 янв.

И ГОЛОС, СОРВАННЫЙ ОТЧАЯНЬЕМ...

Завтра Владимиру Высоцкому исполнилось бы 50 лет

Вы помните, как впервые услышали его имя? Легче, наверное, вспомнить о первой песне Высоцкого, ворвавшейся в ваш дом и в ваше сознание. Песни обогнали его имя, его актерские премьеры. Мы вспоминаем страшного качества магнитофонные «записи с записей», с которых слышались то ли сказки, то ли горькие размышления человека, не способного на равнодушие. «Отчаяньем сорванный голос» тем и потрясал слушателя, что неожиданно честно и точно говорил о насущном. Мы шептали — он говорил. Мы иронически улыбались — он исступленно кричал. И не от «подогретого темперамента», как казалось некоторым, — от боли, от той зрячести, которая свойственна талантливому и честному человеку.

Мы слушали его с некоторой опаской: а он-то как же не боится? И гуляли по городам и весям кустарные шедевры модных некогда киосков «Звукозапись» с невинными песнями из «Вертикали», а в кругу друзей мы затихали, едва слышно подпевая одними губами совсем другим его балладам.

Так много написано о Владимире Высоцком, что было бы нелепо пытаться в канун его юбилея пересказывать биографию, оценки «до» и «после», сбывшиеся и несбывшиеся роли, пластинки, сборники стихов. Интереснее, наверное, напрямую обратиться к одному из тех, кто работал рядом с Высоцким, имел возможность узнать, почувствовать, понять эту личность. Такой человек — актриса Театра на Таганке **Алла ДЕМИДОВА.**

— Я увидела впервые Володю в 1964-м, — начала Алла Сергеевна, явно опережая тривиальный, но, очевидно, неизбежный для такого случая вопрос. — Его привел к нам «показываться» Любшин. Организовывался театр, набирали актеров в труппу. И появился Высоцкий — худенький, в стареньком буклированном таком пиджаке, с гитарой. По просьбе «высокой комиссии» он спел одну из своих песен. Потом еще одну. И еще. И был принят в театр, чтобы проработать в нем все оставшиеся в жизни шестнадцать лет.

— Он не раз пел со сцены и киноэкрана, написал множество песен специально для фильмов и спектаклей. Но есть, наверное, и более глубокая связь между Высоцким-актером и Высоцким-поэтом, автором баллад?

— Безусловно. И главное — в том, что он на сцене оставался поэтом. Он Гамлета играл как поэт. И монолог Хлопуши исполнял, как Есенин, хотя до этого ни разу не слышал его записей. Театр шлифовал песни Высоцкого. И взаимное это влияние росло с годами, как рос и в творческом, и в человеческом плане Володя. Кстати, именно актерское мастерство, дополняя силу самих песен, позволяло Высоцкому превосходить других бардов, или, как говорили, авторов-исполнителей. Тут все взаимно, все связано в одной личности.

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В. С. ВЫСОЦКОГО: «Мне, в общем-то, страшно повезло, что я не бросил писать стихи. Не бросил потому, что поступил работать в Театр на Таганке. Я пришел туда через два месяца после того, как он организовался, и увидел, какое в их спектакле (имеется в виду спектакль «Добрый человек из Сезуана». — Авт.) было обилие брехтовских песен и зонгов, которые исполнялись под гитару и аккордеон. И так исполнялись, как я бы мечтал, чтобы мои песни были исполнены: не как вставные номера, чтобы люди в это время откинулись и отдыхали, а как необходимая часть спектакля».

— Прочел как-то в письме из редакционной почты: «Зачем издавать сборники Высоцкого? Его песни надо слушать в авторском исполнении, а не представлять как стихи...».

— Категорически не согласна с подобными соображениями. Во-первых, многие не представляют себе объемов творческого наследия В. С. Высоцкого. Осталось множество прекрасных его стихов, не положенных, по собственному определению Володи, на ритмическую основу. Они непременно должны исполняться актерами, публиковаться. Кстати, этого очень хотел и сам автор. Он был поэт — и из этого надо исходить в первую очередь.

— И еще одно расхожее мнение: «Очень уж любил Высоцкий живописать темные стороны человеческой души. Много у него злых песен...».

— Но это же неправда! Абсолютно убеждена: у него нет ни одной злой песни. Есть едкие, сатирические. Есть юмор, бурлеск. Злости нет. Да и не могло быть — это подтвердит каждый, кто знал Высоцкого, кто понимает его творчество. Грубость, злость, «приблатненность» приписывают ему кто от недоумия, кто от ненависти, а кто, может, и из зависти...

В. С. ВЫСОЦКИЙ: «Организации, инстанции и лица мне объявили явную войну за то, что я нарушил тишину... И небылицу догоняет небылица...».

Может быть, в этих строках — ключ ко многим оценкам, дававшимся публично и в ходе обсуждений за закрытыми дверями песен, стихов, дисков В. С. Высоцкого, так и не пущенных «в свет» при жизни поэта. Его обязательно похвалили бы и «простимулировали» публикацией, пойди он на компромисс, напиши да исполни что-нибудь «правильное», «в духе времени». А Высоцкому претил дух того времени. И он обещал без намека на возможность подобного компромисса: «На ослабленном нерве я не зазвучу!». И звучал как мог — на пределе.

Он ненавидел слухи, которые роились вокруг его имени. Он объяснял, сколь мог, что независимо от жанра и конкретной темы все его песни — «про наши дела, про нашу жизнь, про мысли свои, про то, что думаю». А его все спрашивали: где и сколько «отсидел», был ли летчиком, альпинистом, шофером, военным. Это еще и потому, что уж очень точно ловил он тончайшие нюансы, профессиональные и психологические. А слухи гуляли, и мастера подделок приписывали Высоцкому глупые вирши, которых он не писал. И даже строили на чужом «творчестве» публичный «анализ» поэзии Высоцкого. Теперь то же издательство выпустило календарь с портретом Владимира Семеновича...

— Многие сейчас кинулись из одной крайности в другую, — в голосе Аллы Демидовой слышится раздражение. — Возводить Высоцкого на чуждый его личности гранитный пьедестал — недостойно памяти поэта. Ну, а в том, что хоть сейчас, после смерти автора, выходят в свет стихи и песни, диски и книги Высоцкого и о Высоцком, — что ж дурного? Замаливаем грехи... Признание закономерно, плохо лишь, что запоздало оно на годы и годы.

— Вы вместе с другими актерами, деятелями культуры активно участвуете в создании музея В. С. Высоцкого. Уже говорилось о том, что дело это поддерживается многими, но и с проблемами, как всегда, столкнуться пришлось, да немалыми. Не будем повторять сказанного, тем более что проекты, присланные на конкурс, стали экспонатами выставки, их сможет увидеть каждый. Вопрос иной: каким видится вам лично общий подход к экспозиции мемориала — по духу, главным темам?

— Мне очень хочется, чтобы там было как можно больше конкретных вещей, воссоздающих работу и жизнь Володи. Чтобы это был не парадный, а очень простой и честный музей — таким ведь был Высоцкий. Сейчас мы ищем, собираем реликвии — костюмы, в которых играл он роль Гамлета, снимался в «Маленьких трагедиях», личные вещи. В общем — больше фактов, меньше эпитетов, оценок.

— Очевидно, данью памяти поэта стало и прекрасное звуковое издание — альбом «...Хоть немного еще постою на краю...». С двух его дисков звучат песни в авторском исполнении Высоцкого, стихи, которые читают В. Золотухин, Л. Филатов, другие актеры. Есть там и несколько стихотворений в вашем исполнении...

— ...И среди них очень любимое мной — «Мой Гамлет». А вообще, мне кажется, очень важным издание таких звучащих собраний стихов и песен Высоцкого. Хотя бы уже потому, что тираж книг невелик, да и не каждый все-таки понимает, чувствует смысловые интонации этих произведений в такой степени, как актеры, тем более — хорошо знавшие Володю, работавшие с ним.

— Ну, а кроме названного, какие еще стихи и песни Высоцкого вы относите к лучшим, какие особенно любите?

— Знаете, у него практически не было слабых, «проходных» вещей. А любимые... «Охота на волков», «Кони привередливые», «Дурацкий сон», сказочный и военный циклы. Да много, много еще.

— А из ролей в театре?

— Пожалуй, Гамлет и еще Лопахин в «Вишневом саде».

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В. С. ВЫСОЦКОГО: «О чем я мечтаю? Ни о чем. Это я после школы мечтал — сыграть. А сейчас — о чем мечтал, то и сыграл. Современника сыграть не мечтаю — чем Чехов хуже? Меня не роль волнует. Я хочу самовыразиться в роли, прожить, как в последний раз».

Чуть с иронией, чуть с грустью, да? Он так и говорил, и пел. А еще — с болью, перехлестывавшей через край и не терпевшей шор «благопорядочности». Он не мог говорить иначе, даже и в те времена, когда вслух «вещали», как правило, нечто духоподъемное. Потому, наверное, и не сохранилось почти что интервью или собственных газетных, журнальных выступлений Высоцкого. Правду не хотели печатать, а лицемерить он не хотел. Мы и сейчас еще не совсем забыли про «внутреннюю цензуру». Даже в свежих сборниках есть совсем не обязательные купюры, замены фраз на «благопристойные». Но это все же не прежние «редакторские ножницы». Важно, что теперь печатаются не только стихи, а и записи публичных выступлений, ответов на вопросы, которые прозвучали на встречах Владимира Семеновича с моряками и студентами, физиками и спортсменами, молодежью и ветеранами. В этом смысле очень интересен сборник, вышедший в самый канун юбилея, — «Четыре четверти пути».

Есть там и удивительной силы обращенный к нам, написанный за семь лет до смерти «Памятник». Высоцкий предвидел и предупреждал, как мог, пожалуй, только он. Стихи эти в значительной степени можно считать программными, неким итогом, попыткой увидеть себя, свое творчество и место в жизни. В том виде, в каком мог написать поэт, который в «привычные рамки не лез». И очень хочется, чтобы не сбылись эти его провидческие строки. Не должно быть так, чтобы «отчаяньем сорванный голос... превратили в приятный фальцет». Не может быть. Потому что мы помним и будем помнить того самого, настоящего Высоцкого.

— Вчера репетируем спектакль, посвященный его памяти, — рассказывает А. Демидова. — И Вениамин Смехов вдруг наклоняется ко мне, говорит шепотом: «Вот бы порадовался Володя, если б увидел это на сцене!». А я добавила: «Он бы обязательно включился. Мгновенно. Стал бы советовать, предлагать варианты...». Я вообще думаю, что сейчас бы Высоцкий был таким же своевременным, как всегда. Не представляю его ушедшим. Не представляю до сих пор.

...В этом году намечают издать «Избранное» В. Высоцкого и комплект открыток о нем. Издательство «Прогресс» планирует опубликовать на русском книгу М. Влади. Будут новые диски. Фильмы о нем тоже, безусловно, будут. Не будет только новых песен Высоцкого, а без них нам труднее пропускать через шлюзы души происходящее вокруг нас. Он был надежным лоцманом. Но — и есть. Поскольку вряд ли сейчас и в обозримом будущем сможем мы уверить себя в том, что напрочь устарела сатира Высоцкого. И жизнь наша будто бы усовершенствовалась настолько, что потеряли актуальность его едкие притчи. Тем более не будем говорить в прошедшем времени о философских, полных точнейших наблюдений балладах, размышлениях поэта.

Б. АХМАДУЛИНА: «Июль 1980 года стал пеклом боли для современников Высоцкого и навряд ли станет прохладой воспоминания для других поколений, но у них в календаре будет январь, чтобы радоваться дню его рождения».

Подошел этот день. И мы не просто отмечаем юбилей автора более шестисот поэтических произведений, актера, сыгравшего полсотни ролей на сцене и экране, — мы радуемся, что произошло 50 лет назад обыкновенное, простое чудо. Родился Владимир Высоцкий, так много нам сказавший. Любивший Москву и особенно — Самотеку. Пришедший в наши жизни и сказавший наперекор лицемерной эйфории: «Я не люблю...».

Ш. МУЛАДЖАНОВ.

Фото Б. КРЕМЕРА.